

Вырезка из газеты

ТРУД

23 АВГ 1981

г. Москва

В повести Нодара Думбадзе «Солнечная ночь» есть страницы о кружке любителей литературы в университете. Очень смешные сценки — о муках поэта, который искал ритму «Мефистофель—Аристотель», о конфузе другого, написавшего стихи о компасе с двумя стрелками, — заканчиваются серьезными словами руководителя кружка: «Для Грузии будет счастьем, если из вас вырастет хоть один талантливый поэт, прозаик, критик или переводчик».

Среди членов этого кружка, которым оказалось суждено стать настоящими писателями, был студент экономического факультета, вскоре «переключившийся» с поэзии на юмористические рассказы и фельетоны. Его звали Нодар Думбадзе (в книге у него другое имя). Его хорошо знают и любят не только в Грузии — во всем Советском Союзе. За рубежом тоже — книги Нодара Думбадзе переведены на многие языки мира.

Его первая повесть открывала прекрасный, чарующий мир людей простых, мудрых и добрых — из тех, на которых земля держится. Книга была пронизана юмором, щедро дарила читателю прелестные шутки и изобретательнейшие розыгрыши. Повесть перенесли на экран и поставили во многих театрах. Как вы, вероятно, уже догадались, речь идет о книге «Я, бабушка, Илико и Илларион».

Из шести его книг большинство удостоены премий. «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу Солнце» — премии Ленинского комсомола, «Белые флаги» — премии Шота Руставели. Роман «Закон вечности» получил Ленинскую премию. Каждый писатель в какой-то степени проявляет в книге самого себя. У Нодара Думбадзе все произведения необычайно автобиографичны. Их главный герой всегда один и тот же человек — только возраст его меняется. Ну и, естественно, опыт. Чем это объяснить, почему все книги Нодара Думбадзе в сущности о нем самом? С этого мы и начали беседу с писателем.

— Так получилось, — говорит Нодар Владимирович, — что в молодые годы я прочел много книг, рассказывающих о самых обыкновенных людях. Я даже удивился вначале — неужели их вроде бы ничем не примечательная жизнь может быть предметом литературы? Но это были очень хорошие книги, и я подумал: наверное и моя жизнь может показаться интересной. Разумеется, мои книги — не документальная проза, а художественная. Но в ней все — из моего личного опыта.

— Есть писатели, которых вы можете назвать своими прямыми учителями?

— Я не считаю, что один писатель должен быть учителем другого. Что-то можно почерпнуть из каждой книги. У плохих писателей учился, как не надо писать. Бывает, на начинающего литератора кто-то и оказывает влияние, но это, как правило, проходит. Я, когда пишу, стараюсь вообще не думать, что мне оставили литературные авторитеты, избавляясь от их влияния...

— Но кто-то на вас это влияние все же оказал?

— Грузинская классика. Давид Кдидашвили, Сулхан-Саба Орбелиани, его притчи. У меня ведь тоже в книгах есть притчи, легенды. Это влияние древней грузинской литературы. Книги Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Хемингуэя, Колдуэлла, Сарояна. Когда я был малень-

кий, мама читала мне вслух Чехова, Чуковского, Марка Твена, Гарриет Бичер-Стоу... Я еще не умел читать, а до сих пор помню наизусть целые страницы из книг этих писателей — с маминого голоса.

— Существует точка зрения — она и на практике подтверждается, — что художник должен быть безжалостным. Ведь он обнажает самое сокровенное в близких людях, когда пишет о них. Вы пишете о близких, но в ваших книгах они чаще всего прекрасны.

— Я считаю: обо всем в художественном произведении писать нельзя. Читая его, человек должен в конце концов ощутить не тяжесть, а облегчение. Я не согласен с тем, что писатель должен быть безжалостным. Он может стать таким, если этого требует герой книги или описанная в ней ситуация. Но при этом обязан быть справедливым. Жизнь надо показывать так, как есть, но не

Главный герой всех книг Нодара Думбадзе — он сам. К самому себе он предельно строг. К окружающим — добр. Это жизненная позиция, исток ее — в самой натуре человека. Но вот он пишет книги «Белые флаги» и «Закон вечности», и в них мир предстает иным. В «Белых флагах» персонажи — узники тюремной камеры, сначала настолько симпатичны, что удивляешься: как они попали сюда? А когда их сущность раскрывается, становится страшно. Может быть, в мировосприятии автора произошла какая-то перемена?

— С течением времени мой герой накопил опыт. Жизнь столкнула его с необычными обстоятельствами. Персонажам «Белых флагов» в тюрьме, друг перед другом не надо ничего скрывать, более того, получились так, что они стали предельно откровенными. И вылили всю грязь со дна души.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА Нодар Думбадзе

настраивать читателя пессимистически. Это не нужно, потому что всегда можно найти выход из положения, если в человеке есть разумное начало, деятельное начало, если он ощущает свою связь с людьми и с природой.

Я сам — оптимист. Я перенес в жизни столько горького, что, если бы не был оптимистом, не выжил бы. Я считаю, писатель не имеет права навязывать читателю трагическое из своего мироощущения. Можно, конечно, описать в книге такие вещи, что читателю покажется: в этой жизни нет просвета. Но это будет неправда.

— Большинство людей, среди которых живет главный герой первых ваших повестей — сначала мальчик, потом юноша, — пленяют душевной красотой и обаянием. Почти все. Вся деревня, где растет Зурикела, — сплошь хорошие люди. И деревня, где живут Сосойа и Хатия, — тоже. Пожалуй, в жизни так редко бывает — столько хороших людей сразу?

— Можно показать и «сразу много плохих людей». В повести «Закон вечности» вся деревня несправедлива к кристально чистому человеку. Но люди эти — не негодяи. Трудная военная жизнь ожесточила их сердца. Ребенок открывает им истину, и они верят ему. Надо помогать людям преодолевать инерцию зла. В этом и есть закон вечности. Один помогает другому, другой третьему и так далее. Таков путь к Добру. Моя цель — донести это до читателя. Что же касается более доброго мира в книгах, чем на самом деле, — видите ли, бывает святая ложь. И мы идем на нее без угрозы и совести. В книге «Я вижу Солнце» Хатия обманывает стариков, чьи сыновья пропали без вести на фронте. Она говорит, будто слышала, что они живы. Здесь ложь так благородна, какой бывает правда.

— Что все-таки более свойственно человеку — добро или зло?

— Если допустить, что дьявол — падший ангел, значит, «первичен» — ангел! Просто развитие характера может пойти по дурному пути. Есть ведь талантливые негодяи. Чем они талантливее, тем опаснее. Но вначале, я считаю, был талант. Он оказался направлен не в ту сторону.

Мы знаем: дважды два четыре. Считаю верной эту формулу, можем долететь до Луны. Если принять за верное формулу «дважды два пять», можно тоже сделать гладкое логическое построение, но на Луну, к нашей цели, мы уже не попадем. На ложной посылке можно выстроить железную формулу. Но гнилу в корне! Отправная ее точка — ошибка! Человек всегда может найти себе разумное вроде бы оправдание, даже других убедить в своей правоте. Но при этом весь способ его существования может быть неверным.

Надо стараться, чтобы доброе в человеке проснулось. Есть изречение: «Из искры возгорится пламя». Искру в человеке нельзя тушить. Надо раздувать ее.

— Есть ли мысль, которую вы, выражаясь словами Толстого, больше всего любите в своих книгах?

— В моей самой последней повести «Кукарача» у преступника Муртало и у положительной героини — матери мальчика — одна и та же концепция. Талант любить они считают самым великим из всех, которыми наделены люди. Величайшим даром природы. В повести мать мальчика говорит: «Жаль человека, ушедшего из жизни без любви». И Муртало говорит, что «боялся одного — уйти из жизни без любви». Видите, они одинаково думают — дьявол и ангел. Для меня главное — увидеть в человеке этот талант и в книге открыть его. Я в себе этот талант почувствовал. Талант любви

не только к женщине. К людям, к животным, к предметам. К миру, к жизни...

— Встречались вам читатели, которых ваши книги заставили что-то пересмотреть в жизни или в самих себе?

— Одна читательница написала мне, что когда-то прогнала из дому свою бабушку, а прочитав мою книгу, попросила ее вернуться. Читатель с Украины написал, что в его хате стало теплее и веселее после того, как он прочитал мою книгу. Получил такое письмо из больницы: «Не столько врачи меня вылечили, сколько ваша книга». В книге «Я вижу Солнце» есть эпизод: Хатия и Сосойа люди бесплатно дают кукурузу в тяжелое военное время. Редактор мне говорил: «Кто вам поверит?» А я считал, если хоть один человек поверит, то и хорошо. Когда книга вышла, оказалось, поверили очень многие. Большинство. Люди все-таки склонны верить в доброе. И поступать, как велит добро. Прототипы некоторых моих героев в действительности не такие уж хорошие, но после появления моих книг они стали подражать своим литературным «эквивалентам» и стали лучше. Когда я приезжал к себе в деревню, меня за это благодарили.

— В чем для вас главная прелесть вашей работы?

— Совпадение моего мнения о том, что я написал, с мнением читателя. Что такое профессионализм? Это страх перед читателем, который никогда не проходит. Когда проходит, писатель перестает быть писателем. На встречах с читателями мне так страшно, что у меня руки дрожат. Боясь, о чем меня спросят, что скажут. То же самое испытываю, и когда читаю письма.

— Читателям всегда интересен процесс творчества. Как вы пишете?

— Ночью. Жожу много. Сам играю своих героев. И смеюсь иногда, как оказалось. Это мои близкие мне сказали. Именно на них я «проверяю», смешно или нет. Не написал бы «сказал Илларион и засмеялся», если бы они не засмеялись сами, когда я читал написанное.

— Но вы ведь пишете ночью. Что же, будите своих родных?

— А они сами просыпаются от моего смеха. Как-то один знакомый принес моей дочке два арбуза. Я говорю: «Что надо сказать дяде?» А она говорит: «Дядя, ты почему пойнес два арбуза? Что, дыни не было?» Я перенес этот эпизод в рассказ «Кукарача» и, когда писал, смеялся как сумасшедший. Жену разбудил...

В кабинете Нодара Владимировича все стены увешаны картинами. Спрашиваем, подбирает ли он их по какому-либо принципу. Оказалось, нет. Что дарят друзья, то и принимает. Но многие картины выделяются из остальных. Они явно принадлежат одной кисти. Выяснилось, кисти самого Нодара Думбадзе. Композиция очень проста, краски — яркие, чистые. Бык, коза, стоящие в ряд девушки в деревенских костюмах. Незыблительная прелесть в этих картинах — прелесть ясности. Прелесть, увиденная мудрым человеком, которому созерцание мира доставляет радость. Она переполняет и сердце того, кто видит эти картины. Она из них называется «Цветущее солнце». Солнце — прекрасный, мудрый символический герой в книгах этого автора.

Е. БЕЛОСТОЦКАЯ,
А. ДЖАПАРИДЗЕ.